

БИОЭТИКА, ОБЩЕСТВО РИСКА И ЭВРИСТИКА ВЫЗОВА*

П.Д. ТИЩЕНКО

Общество риска и эпоха «другого модерна»

Характеризуя современную культуру, У. Бек использует термин «другой модерн» (модерн «вершин»), переднего края развития политической, индустриальной и научной инфраструктуры современного капиталистического общества. Причем, пугающая одних и привлекающая других волна «антимодернистских настроений» в виде антисциентизма, критики технического прогресса, формирования маргинальных социальных движений (политических, религиозных и др.) — все это «не вступает в противоречие с модерном, а является выражением его последовательного развития за пределы индустриального общества»¹.

Реальность наступившего *будущего* усматривается Беком прежде всего в стремительно формирующихся социально-экономических институтах *общества риска*. В предшествующую эпоху (еще господствующую в странах третьего мира типа России) риск рассматривается как результат недостаточного развития технологий и научных знаний. В современной ситуации индустриально развитых демократических стран риск начинает пониматься как результат избыточности технологического и научного прогресса, отсутствия прогностической освоенности порождаемых последствий. Чем фундаментальнее открытие или техническая инновация, тем связанные с ними риски также становятся фундаментальнее.

Риск приобретает не свойственные ему раньше социальные качества, становясь, по мнению Бека, системообразующим принципом. Формируется новая социальность *общества риска*. Место общности нужды занимает общность страха. К концу XX века страх становится мощным политическим инструментом, которым пользуются не только зеленые партии и группы, но и все остальные — от представителей традиционного истеблишмента до экстремистских групп и новых религиозных сект.

Конгруэнтно с политическими инфраструктурами общества риска формируются и его экономические институты. Риск из отслеживаемого, измеряемого и контролируемого *побочного последствия* научно-технической деятельности оборачивается неисчерпаемым ресурсом нового класса потребностей. При этом рисками в отличие от обычно понимаемых потребностей нельзя владеть, «риски нас

*Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий», грант № 10-03-00846а/Б.

настигают», разбивая и физическую, и метафизическую границу между своим (пространство автономного контроля) и чужим.

Одновременно, как отмечает Бек, «цивилизационные угрозы ведут к возникновению нового рода мифологии — своеобразного “царства теней” другого модерна, сравнимого с богами и демонами на заре человечества. Царства, которое таится за видимым миром и угрожает жизни человека на этой земле. Сегодня мы имеем дело не с духами, которые прячутся в вещах, мы подвергаемся “облучению”, глотаем “токсические соединения”, нас наяву и во сне преследует страх перед “атомным холокостом”... Непосредственному наслаждению радостями жизни, простому существованию пришел конец. Всюду корчат рожи вредные и ядовитые вещества, бесчинствуя, словно черти в средневековье. Люди перед ними полностью беззащитны. Дышать, пить, есть — значит повсюду сталкиваться с ними»².

В раскручивании социально-экономических и мифологических идеологем общества риска особую роль играет наука, которая оказывается одновременно и со-причиной главных цивилизационных рисков, и социально признанным (легитимным) их диагностом («органом восприятия» — лишь наука в силах «увидеть» и оценить риски пестицидов, холестерина, сахара, нитратов и т.д.), а также социально-экономическим агентом, призванным разрабатывать новые, более совершенные средства защиты. Наука постоянно возрождает потребность в себе (несмотря на скепсис и антисциентизм) и, ввиду парадоксального сочетания в своей идентичности источника опасности и надежды на спасение.

Тройную функцию производства, диагностики и предотвращения рисков наука начинает выполнять в особой культурной ситуации, которую Бек назвал «рефлексивным онаучиванием» в отличие от «простого онаучивания» эпохи Просвещения. В эпоху Просвещения наука (прежде всего в лице философского наукоучения) подвергла суровой критике все формы традиционной идеологии, заняв место, которое до нее занимало христианство. Место инстанции, генерирующей наиболее фундаментальные представления человека о себе и окружающем мире. Однако в этой тотальной критике было свое «слепое пятно». Сама наука в ее амбициозной претензии на истину и власть оставалась вне подозрения до конца Второй мировой войны.

Внутри научного сообщества работал принцип «универсального сомнения». Между тем, во вне, т.е. в обществе, наука заняла те авторитарные позиции, с которых она в эпоху Просвещения с успехом сумела изгнать религиозный традиционализм. Эта победа оказалась возможной благодаря тому факту, что наука в глазах общества стала играть роль *спасителя* перед экзистенциальной угрозой, которая виделась человеку в лице природной стихии. Бек подчеркивает, что в ситуации простого онаучивания «[п]риложение науки осуществляется... с установкой на отчетливую объективацию

возможных источников проблем и ошибок: в болезнях, кризисах, катастрофах, от которых страдают люди, “виновата” дикая, непонятная природа, “виноваты” нерушимые принуждения традиции»³. В этой установке сознания заключены основания научного авторитаризма периода простого онаучивания.

Современная «цивилизация вступила в такую фазу развития, когда она онаучивает уже не только природу, человека и общество, но все более самое себя, свои продукты, воздействия, ошибки. Стало быть, речь идет не об “освобождении от изначально данных зависимостей”, а о дефиниции и распределении ошибок и рисков, возникших по собственной вине»⁴. Никакой *дикой* природы нет — все является специфическим продуктом научно-технического, экономико-политического прогресса. В наводнениях, засухах, болезнях — во всех экзистенциальных и экологических угрозах человек обнаруживает свое собственное присутствие.

В ситуации другого модерна происходит рефлексивное замыкание принципа научного методологического сомнения на саму научную деятельность. Силой, вызывающей само-замыкание научной рациональности, оказывается *риск*. По мнению Бека, обнаруживаемые обществом цивилизационные риски (отмечу — не только экологические, но и моральные риски потери человеческой самоидентичности. — *П.Т.*) принципиально не наблюдаемы монодисциплинарным или даже моноинституциональным (научным) взглядом. В ситуации простого онаучивания ученый эксперт в своей области был самодостаточным в ответе на вопросы: «что происходит?», «почему?» и «что делать?» В новой ситуации обнаруживается явная недостаточность такого подхода. Цивилизационные риски обнаруживаются только трансдисциплинарно и трансинституционально.

Наука сама себя проводит сквозь строй тотального сомнения и философско-методологической критики. В результате рефлексивного онаучивания наука, обнаружив в себе недостаточность классически толкуемого принципа универсальности, расчищает культурное пространство для возрождения традиционных и признания современных ненаучных форм производства знаний.

Исчезает центральная инстанция, производящая истинную оценку рисков и дающая человечеству ясные цели цивилизационного развития. Оценка рисков и формирование согласованного волеизъявления начинает происходить *транзитом* в сложной социальной сети разнообразных социальных агентов. Иными словами, процедуры восприятия, осознания и оценки риска осуществляются не в некотором *центре*, претендующем на полноту знания и *авто-номно* принимающем решение, но как коммуникационный процесс в *сети* конфликтующего многообразия исходно неполных и недостаточных источников научной и ненаучной информации и волеформирования. Наука как бы перешагивает собственные

границы ступая в сферу сложных трансдисциплинарных и транsinституциональных взаимодействий.

Эвристика страха и идея ответственности по Х. Йонасу

Характеризуя классический подход к этическим проблемам техники, Х. Йонас подчеркивал, что «традиционная идея *техне...* является этически нейтральной — и в отношении объекта, и в отношении субъекта действия»⁵. Взрывы ядерных бомб и Нюренбергский процесс по делу нацистских ученых-медиков, так же, как и множество других свидетельств аморального использования людей в научных экспериментах, уничтожили миф о моральной нейтральности науки.

Одновременно в традиционной этике «само моральное действие сводилось к непосредственному воздействию одного человека на другого человека»⁶. В современной ситуации природа, геологический ландшафт, жизнь, окружающая человека и являющаяся условием его собственного существования, благодаря развитию экологического движения приобретают статус моральных субъектов. При этом классическая моральная философия предполагала, что «в контексте совершаемого действия в конкретном домене реальности сущность “человека” и базисные условия его существования рассматриваются как константные по природе вещей и не преобразуются за счет внедрения технологий»⁷. Однако современные биомедицинские технологии начинают радикально трансформировать не только условия существования человека, но и его сущность⁸.

И, наконец, последняя метафизическая черта традиционной этики заключается в том, что «добро и зло, по поводу которых реализует себя моральная забота, связаны либо с самим действием, либо с его ближайшими последствиями и никогда не становятся предметом отдаленного планирования»⁹. Отдаленные последствия становятся одной из центральных забот при оценке рисков современных биомедицинских технологий. Именно на этом основании впоследствии формируется набирающий влияние «принцип предосторожности», ограничивающий безусловную значимость новоевропейского лозунга «знание — сила!».

В новых условиях необходима иная этика, иное понимание ответственности, которое Йонас сформулировал в виде особого «императива ответственности»: «Действуй так, чтобы результат твоего действия обеспечивал непрерывность человеческой жизни»¹⁰.

Для ответа на вопрос — как можно реализовать новую идею ответственности, учитывая множественность моральных позиций, Х. Йонас выдвинул идею *эвристики страха*. Эта идея может быть коротко изложена следующим образом. Перед лицом угроз научно-технического прогресса в биомедицине насущны энергичные совместные усилия людей, образующих современное человечество. Для этого необходимо наличие общего понимания целей и цен-

ностных оснований совместных действий. Однако попытки позитивного выражения общих моральных оснований приводили не к единству, а к раздробленности. В результате мы имеем множасьее многообразие философских и религиозных версий позитивного истолкования блага. В виде альтернативы Йонас предлагает взять в качестве основания не позитивное понимание блага, а негативное — совместное переживание страха и угрозы, исходящей от научно-технического прогресса и бурного индустриального развития. В горизонте объединяющего большую часть человечества переживания страха возможна, предположительно, совместная кооперативная деятельность, а со временем формирование общих моральных ценностей.

Описанные Бекон, стремительно формирующиеся структуры общества риска наглядно демонстрируют правоту идей и предсказаний Йонаса. Однако эта правота должна быть понята, как мне представляется, с важным уточнением. Йонас, будучи представителем классического стиля философствования, полагал, что страх как негативное основание общности в перспективе позволит сформировать некое позитивное универсальное понимание природы рисков, ценностей и целей цивилизационного развития (без этого невозможны их прогностика и контроль). Последнего, однако, не произошло. Негативность страха (в разных формах и облициях) продолжает сохраняться в качестве мощного, почти единственного основания для современного общества риска. Однако, полагая, что в нее нужно внести серьезное дополнение, которое позволю назвать эвристикой *вызова*.

Эвристика вызова (переосмысляя Йонаса)

Я говорю об эвристике вызова (точнее — вызовов) как поиске сложного знания бытия в сложном мире, постоянно преобразуемом новейшими достижениями биологии и медицины. Речь идет об эвристике, а не методологии по той причине, что уже сам поиск, сам образ жизни философа, ученого или любого другого призванного этим вызовом уже является первым и наисущественнейшим ответом — основой ответственности, априорным условием самой возможности для человечества и отдельных сообществ ответственного бытия в мире в современных условиях. К примеру, характер отношения к экологическим проблемам в нашей стране ясно показывает, что многие знают о них, вполне сочувственно относятся к необходимости их решения, но ничего не делают. Слова услышаны, а зов не расслышан. Поэтому царствует экологическая без-ответственность.

Рождающийся ответ на вызовы является первым, но не последним условием ответственности. Само по себе появление людей призванных этими вызовами не решает проблему, не делает общество ответственным. Призванные должны быть узнаны и признаны как

те, в чьем жесте, голосе, действии и т.п. реализуется значимая для общества озабоченность. Узнанность и призванность позволяет личному призванию превратиться в социально оформленную и обеспеченную траекторию профессиональной реализации в академической, политической, предпринимательской, общественной или любой иной сфере деятельности.

Слово вызов используется мной вместо слова страх постольку, поскольку то, что вызывает нас к существованию в качестве ответственных существ (отвечающих на что-то или кому-то) страхом не ограничивается. Мы безусловно осознаем опасности и угрозы, связанные к примеру с клонированием человека или производством генетически модифицированных животных и растений для продуктов питания. Но человек не столько ре-активное, сколько активное существо. В нем заложен природой и преобразован культурой мощнейший импульс к самоутверждению, к творческому созиданию нового и преобразованию старого. Поэтому, соглашаясь с Беком в отношении фундаментальной роли риска в современном обществе, я предпочитаю само слово риск не сводить к страху. В нем звучит еще и онтологическая отвага человека, вынужденность поступать, самореализовываться в условиях углубляющейся неопределенности.

Разработчики новых технологий подвижны не злым умыслом. В их деятельности, через их жизнь как ученых-новаторов реализуется не менее существенный импульс человеческого предназначения, чем тот, что реализуется в действии эколога, защищающего среду обитания, или богослова, пекущегося о спасении души. Поэтому и эвристика не может быть привязана к некоторому опасливому выживанию, если ищет эффективного ответа. Она должна быть фундирована в вызове, обращенном к человеческому существу в современной исторической ситуации, вызове, выпрашивающем человеческое существо во всем богатстве и мощи его творческих потенций.

И еще одно важное возражение идее эвристики страха. Страх как нечто единящее людей связывает их, что называется, лишь в некотором «голоме» экзистенциальном переживании. Как только он начинает осваиваться чувством и мыслью, единство улетучивается. Мы получаем столь же богатое разнообразие идей страха, сколь многообразны были и остаются идеи истины и блага. Поэтому идея ответственности должна включать в своем основании ответ на вопрос: как возможно кооперативное, совместное действие людей перед лицом вызовов современной ситуации в условиях их существенного разномыслия, как возможно продуктивное инакомыслие? Этот аспект был достаточно подробно обсужден в других публикациях¹¹. Здесь хотелось бы обратить внимание на сложную структуру, в которой формируется многообразие знаний о надеждах, рисках и ответах на них в современных сообществах.

Производство знаний о рисках, формирование горизонтов надежды и возможных ответов на вызовы ситуаций, провоцируемых

во множестве научно-техническим прогрессом, осуществляется в сложной социальной сети. Эти знания имеют множасьее число планов: знание как настроение, умение, получение информации, осмысление и мудрость. «Субъектом» сложного знания может выступать как индивид, так и группа людей, как институционально оформленный коллектив (лаборатория, бизнес группа), так и транс-институционально (нередко — транс-национально) работающая структура. Оно может выражаться в явном виде (быть объективированным в текстах) или неявном (воплощенном в телах индивидуальных и коллективных субъектов). Оно может быть как искомым результатом рациональной эвристики, так и непреднамеренной, непредусмотренной находкой, сохраненной, опять же, как в явной, так и в неявной форме.

Вызов можно рассматривать как своеобразный «прибор» раскрытия различных планов сложного знания. В определенном аспекте он (вызов) выискивает «общее». Однако, и в этом радикальное отличие от философии Х. Йонаса, общее должно отказаться от статуса обобщающего всеобщего.

Формирование вызова как эвристики (опыта) раскрытия сложности человеческого существа осуществляется путем обнаружения опасности, угрозы сущности или существованию человека и наброске горизонтов надежды — спасения. В отношении последствий биотехнологического прогресса опознание и оценка угроз, инвестирование определенных страхов и надежды на их преодоление, осуществляется биоэтикой. При этом биоэтика реализуется как форма социально распределенной экспертизы (транзитом, как сказал бы Бек) рисков научно-технического прогресса в области биологии и медицины. Традиционно оценка рисков в данной области строилась на основе внутринаучных критериев. В настоящее время она начинает осуществляться в сложно организованной социальной сети, воспринимающей научные идеи, накапливающей, распространяющей и применяющей их. К этой сети относятся научные и политические институты, индустрия, средства массовой информации, интернет, искусство.

Каждый из социальных агентов, участвующих в этом процессе, производит свое собственное специфическое знание путей самореализации, угроз и рисков, что позволяет, с одной стороны, более эффективно выполнять именно его функции, а с другой — более успешно включаться в кооперацию с другими агентами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Федоровой / Посл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 11 — 12.

² Там же. — С. 88 — 89.

³ Там же. – С. 241.

⁴ Там же. – С. 240.

⁵ Jonas H. The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1984. – P. 4.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ См.: Тищенко П.Д. Био-технологическая ре-де-конструкция человеческого в человеке (казус сексуальности) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 3. – М.: ИФРАН, 2009.

⁹ Jonas H. The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. – P. 4.

¹⁰ Ibid. – P. 13.

¹¹ См.: Тищенко П.Д. О множественности моральных позиций в биоэтике // Человек. 2008. № 1.

Аннотация

В статье обсуждается специфическая роль науки в производстве, диагностике и предотвращении рисков (общество риска У. Бека), эвристика страха и концепции ответственности Х. Йонаса, предлагается идея эвристики вызова. В отличие от эвристики страха, эвристика вызова рассматривает как сплачивающее различно мыслящих людей начало не только угрозу, но и присущее человеку стремление к самоутверждению, в том числе и через инновационную активность.

Ключевые слова:

биоэтика, общество риска, знание неявное, эвристика страха, эвристика вызова.

Summary

The article the specific role of science in manufacture, diagnostics and prevention of risks (a society of risk of U. Beck), as well as heuristics of fear and the concept of responsibility (H. Jonas). Author offered idea of heuristics of a challenge. Unlike fear heuristics, the challenge heuristics considers as the beginning of social integration for differently thinking people not only threat, but also aspiration inherent in the person to self-affirmation, including through innovative activity.

Keywords:

bioethics, risk society, knowledge production, tacit knowledge, heuristics of fear, heuristics of challenge.